

С.В. БАРСУКОВА

ОТНОШЕНИЕ МОСКОВСКИХ СТУДЕНТОВ ИЗ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ К ТРАДИЦИОННОЙ СВАДЬБЕ

БАРСУКОВА Светлана Юрьевна – доктор социологических наук, профессор факультета социальных наук НИУ ВШЭ, Москва, Россия (sbarsukova@hse.ru).

Аннотация. Свадьбы играют важную роль в культурном пространстве Центральной Азии. Множество гостей, затрачиваемые ресурсы, огромное значение для репутации семьи – слагаемые таких свадеб. Насколько молодые люди из стран Центральной Азии, обучающиеся в Москве, готовы транслировать эту традицию? Для ответа на этот вопрос проведены интервью со студентами одного из московских университетов. Опрос показал неоднородность отношения молодых людей к свадебным традициям: от готовности им безоговорочно следовать до конфликтного несогласия с родителями по этому поводу. Критику традиционного формата вызывает масштаб свадебных мероприятий и сопутствующие им затраты. Молодые люди выступают за более камерный формат свадеб, за экономию средств, за отказ от обрядов, акцентирующих гендерное неравенство.

Ключевые слова: свадебные ритуалы • ритуалы жизненного цикла • молодежь • студенты • конфликт поколений • свадьба в Центральной Азии

DOI: 10.31857/S013216250021652-0

Традиционная свадьба является важнейшей частью культурного кода жителей Центральной Азии (ЦА) [Хушкадамова, 2010]. Многоэтапное ритуальное действие, требующее значительных ресурсных вложений, – приверженность традициям и включенность в национальную культуру. Ценностные смыслы, заключенные в ритуалах, являются способами фиксации культурного кода общества [Большаков, 2016, Хушкадамова, 2011]. Сформированные в определенных социально-исторических условиях ритуалы и традиции передаются от поколения к поколению, опираясь на ценностный консенсус в обществе [Юнусова, 2013]. Что происходит, когда консенсус не очевиден? Может ли свадьба стать точкой конфликта между поколениями отцов и детей? Могут ли молодые люди критически относиться к свадебным обрядам и противиться их соблюдению?

Статья посвящена отношению к свадебным традициям молодых людей из стран ЦА (Узбекистана, Казахстана и Кыргызстана), которые учатся в России. Их отличает высокая мобильность и нацеленность на получение образования как основу успешной карьеры. Сам факт приезда в Москву свидетельствует о толерантности к ценностям и моделям поведения принимающей стороны. Важно подчеркнуть: речь идет не о молодежи вообще, а о наиболее верстернизированных молодых людях из стран ЦА. Многие намерены вернуться на родину после окончания учебы и в этом смысле могут служить социальными катализаторами коррозии традиций¹.

Статья написана в традициях этнографического описательного исследования, что предполагает значительный объем цитатного материала.

Методология исследования. Исследование проведено в качественной методологии. Его основу составили интервью со студентами из ЦА, обучающимися в одном из

Статья написана в рамках гранта РФФИ, проект № 20-59-22001.

¹ Студенты, принимающие участие в исследовании, учатся по квотам российского правительства и не имеют обязательств вернуться на родину и отработать какой-то срок.

ведущих вузов Москвы. Речь идет об университете с высоким уровнем требований к знаниям и обязательным владением русским языком. Иностранным студентам по электронной почте было разослано приглашение принять участие в разговоре на свадебную тему. Желавших поговорить об этом оказалось больше, чем временные возможности интервьюера. Молодые люди не просто согласились дать интервью, а активно заявили о своей заинтересованности обсудить эту тему, что говорит о потребности в вербализации своих размышлений о свадьбах как одной из популярных тем в молодежной среде. Проведено 23 интервью, с девушками (12) и парнями (11) в возрасте от 18 до 22 лет (Узбекистан – 8, Кыргызстан – 5, Казахстан – 10). На момент проведения исследования некоторые молодые люди имели партнеров, с которыми надеялись создать семью. Одна девушка готовилась к свадьбе, которая должна была пройти дома, в Астане.

Вторым источником информации послужили материалы экспедиции в Самарканд (Узбекистан) в 2022 г. Атмосферу свадьбы невозможно почувствовать вне собственного опыта: «лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать». В ходе экспедиции нам удалось побывать на свадьбах, взять интервью в семьях, имеющих опыт их проведения, а также у руководителей и активистов махалли (поселенческая община, аналог нашего муниципального управления), вовлеченных в организацию свадебных торжеств. Характер собранных данных не позволяет делать выводы о степени распространенности тех или иных суждений и моделей поведения. Качественная методология дает возможность выявить репертуар мнений, способы легитимации своей позиции, вариативность отношения молодых людей к традиционной среднеазиатской свадьбе.

Свадьба – не событие, а последовательность ритуалов. Свадьба в культурной традиции ЦА – не одноразовое действие, а целый перечень мероприятий со своими правилами. Череда обрядов может растягиваться на несколько недель или даже месяцев. Между сватовством («кудалык») и свадьбой проходит множество мероприятий, что резко контрастирует с российскими свадьбами в их современном варианте. Респонденты подчеркивают обрядовую сложность среднеазиатских свадеб, общее мнение выразил респондент из Кыргызстана: *«Русские свадьбы менее роскошные, менее замороченные»*. Безусловно, и в России, и в странах ЦА происходит резкое расслоение населения, и богатые семьи затрачивают на свадьбы больше средств. Однако общий нормативный порядок и представление о «средней свадьбе» налагают на семьи в ЦА значительно большее бремя финансовых и временных издержек [Барсукова, 2022а]. Финансовая обременительность свадеб ведет к росту закредитованности населения, что воспринимается правительствами этих стран как государственная проблема [Барсукова, 2022б]. Так, в Таджикистане и в Узбекистане пытаются законодательно ограничить масштаб ритуальных торжеств². Это касается количества гостей, длины свадебных кортежей и других элементов, которые можно контролировать. Однако переломить общественное мнение (*орзу хавас*) непросто [Азимова, 2020].

Оговоримся, что свадебные традиции различаются не только между странами, существуют и региональные различия. Последние закрепляются в многообразных терминах, которые имеют локальное распространение. Даже, казалось бы, канонический «калым» (выкуп невесты) или «махр» (выделяемое жене имущество) используют не во всех странах. Отметим забавный эпизод: в Самарканде среди узбекских собеседников разгорелся спор. Одни доказывали, что махр еще с советских времен остался только в литературе и в современных условиях речи не может быть о махре или выкупе невесты даже в отдаленных районах. Другие занимали иную позицию: традиции воспроизводятся, в их повседневном опыте есть тому подтверждения. Мы не компетентны судить о судьбе махра или калыма, но в наших интервью студенты прекрасно ориентировались в этих понятиях.

² В Республике Таджикистан в 2008 г. принят Закон «Об упорядочении традиций, торжеств и обрядов в Республике Таджикистан» (впоследствии он неоднократно дорабатывался). С сентября 2019 г. в Узбекистане действует Положение о порядке проведения свадебных торжеств [Азимова, 2020].

О калыме вспоминали и юноши, и девушки, хоть и придавали ему значение символического жеста, а не реального торга за невесту.

Региональные различия прослеживаются в массе нюансов. *«Даже бишбармак будет отличаться. На юге меньше мяса добавляют. На севере меньше теста, а сверху почти целого коня могут положить»*, – замечает девушка из Астаны. С учетом оговорки о региональных различиях опишем общий порядок свадебного ритуала. Прежде всего, надо найти подходящую невесту: несмотря на новые веяния, поиск невест остается важным слагаемым создания новой семьи. *«Со стороны мальчика его родственницы могут ходить в махалли и спрашивать, если ли девочки на выданье. Даже в университеты, в лицеи, в колледжи пускали этих женщин, показывали им досье на девочек. Они расспрашивали учителей. Если нашли хорошую девочку, могут связаться с ее родителями, чтобы организовать знакомство. Если по фотографиям дети не против, то им организуют встречу»*, – рассказывает студентка из Ташкента.

Первый фильтр родительского отбора происходит заочно. Поводом для отказа от знакомства могут быть ее возраст, район проживания, национальность, положение родителей и пр. Традиции не позволяют привести для знакомства девушку, не получив предварительного согласия родителей. В традиционных обществах молодые люди если встречаются, то женятся. А если таких намерений нет, стараются скрывать свои отношения. Проживший несколько лет в Москве студент из Бишкека так описывает эту ситуацию: *«У меня совсем недавно с мамой произошел разговор. Я был обескуражен. Я хотел познакомить родителей со своей девушкой. Но мама сказала: “Нет, ты приведешь домой только ту девушку, которая станет твоей женой”. Я думал, что мои родители более современные. Причем моя мама учительница, то есть это даже не от образования зависит. Это установлено на культурном уровне»*.

Национальность может стать причиной родительского запрета на брак. *«Мне не было прямо сказано, но установка от родителей была, что девушку я могу взять только свою, из Кыргызстана или из Казахстана. Из Узбекистана и Таджикистана тоже нет. Русскую я не смогу взять. Я уверен в этом»*, – мнение студента из Бишкека. Отметим, что его мама, киргизка, преподает в школе русский язык и литературу, дома часто говорят на русском языке.

Внутри страны региональные различия также могут стать препятствием для брака. *«У нас в Киргизии существует жесткое деление между областями. Север и юг не очень хорошо друг к другу относятся. На этой почве может быть отказ. Я с севера, если приведу девушку с юга, родители могут сразу отказать»* (Кара-Балта, Кыргызстан).

Если после предварительного отбора состоялось знакомство, то приступают к сватовству, которое также многоактовое действие. (При отсутствии согласия невесту могут и украсть [Ларина, Наумова, 2010].) Мать жениха приходит в дом невесты с подарками. Если женщины договорились, то к переговорам присоединяются мужчины, оговаривают сроки и условия проведения свадьбы. Обряд помолвки сопровождается ритуальными действиями, например, в Узбекистане это разламывание лепешки, что делают только мужчины рода. Кусочки такой ритуальной лепешки вместе с конфетами раздают родственникам с обеих сторон.

Отдельно проходит обряд надевания будущей свекровью сережек невестке как символ принятия девушки в новую семью (*«сырга салу»*). Мать невесты должна получить ценный подарок от родителей жениха, с красноречивым названием «за молоко матери». Затем уплачивается калым за невесту, который получают ее родители³. Жених дарит невесте ценный подарок или выделяет долю в собственности («махр»), что останется с ней и в случае развода. *«Муж... обязан подарить жене драгоценный подарок, и эта сумма оговаривается»*, – объясняет студентка из Астаны.

Затем приходит очередь провожать невесту из отчего дома в дом жениха («кыз узату»). Предварительно в дом новобрачных привозят приданое невесты («сарпа» у узбеков

³ Некоторые юристы усматривают в калыме элементы сходства с торговлей людьми [Сумачев, 2014].

или «сеп» у казахов). Это делается в присутствии родственников жениха. Важно, чтобы они были удовлетворены обилием и качеством приданого. Не случайно «сарпа» переводится с узбекского языка как «с ног до головы», что подчеркивает обилие вещей, позволяющих полностью покрыть потребность невестки в одежде.

В разных странах есть свои традиции, придающие национальный колорит свадебным торжествам. Например, у узбеков свадьбу предваряет утренний плов («ош»), на который собираются только мужчины. Также плов готовят, когда жених и его родственники-мужчины приезжают забирать невесту из отчего дома. *«У ташкентских узбеков принято, что жених должен всех неженатых покормить пловом с руки»*, – рассказывает студент-узбек. А у казахов есть обряд представления невесты родственникам жениха под традиционную музыку на домбре («беташар»). Наконец, молодые регистрируются в ЗАГСе, затем их союз скрепляет представитель духовенства («никах» или «никох») [Латипова, Ганиева, 2019], после чего наступает черед свадьбы.

Но на этом история не заканчивается. В некоторых регионах родители невесты должны принести еду в дом новобрачных три раза в день в течение нескольких недель после свадьбы, а молодая жена должна встречать гостей в платьях, доставшихся ей в качестве приданого. К новобрачным приходят гости, и невестка должна встречать, радовать глаз, меняя наряды, при этом закрывать рот символическим платком, не произнося ни звука. Право голоса у нее появляется после того, как свекор сделает ей подарок. Это может произойти на следующий день или через несколько недель, как повезет.

Варианты отношения студентов к традиционной свадьбе. Отношение молодых людей к традиционной свадьбе различно. О количественном наполнении этих групп мы не можем судить ввиду качественной методологии исследования, но важно зафиксировать этот спектр.

Первая группа представлена теми, кто добровольно намерен следовать традиционным свадебным обрядам. *«У нас есть традиции, и мы их выполняем»*, – мнение студентки из Ферганы. *«В каждом ребенке с детства закрепляется, что эти мероприятия обязательны»* (студентка из Костаная, Казахстан). Описание свадеб изобилует проявлениями эстетической восторженности. Импонирует эстетика национальных музыкальных инструментов, обрядов, их четкой регламентированности и детализации. Девушек радует возможность собрать щедрый урожай подарков в виде нарядов и ювелирных украшений.

Вторая группа объединяет тех, кто умеренно критикует свадебные традиции, но готов им подчиниться, чтобы не расстраивать родственников. Это группа свадебных конформистов. *«Мне бы хотелось обойтись без этого, но знаю, что придется подчиниться»* (Кара-Балта, Кыргызстан). Девушка из Узбекистана рассказала фрагмент своих детских воспоминаний. На свадьбе старшей сестры отец, угощая пловом друзей, сказал, что его мечта – дожить до утреннего плова на ее свадьбе. *«И я эти слова впитала и не хочу расстраивать своего папу»*. Эта же девушка с восхищением рассказывала про подарки невесте. *«Моей знакомой из Бухары надали золотых браслетов, прямо до локтя можно руку украсить»*. Желание не расстраивать отца органично уживалось с желанием украсить руку до локтя золотыми браслетами. Умеренные критики в ходе интервью извиняются за то, что позволяют себе критически высказываться о традициях (*«Может это нехорошо, что я так говорю»*).

Третья группа представлена резкими критиками традиционных свадебных обрядов. Порой они высокомерны по отношению к родителям, которых, как им кажется, переросли (*«Не нужно на них злиться, они не виноваты, что такие»*). Критикуют не снизу, с позиции вынужденной подчиненности, а сверху, с позиции осознанного интеллектуального превосходства. В этой группе транслируется убежденность, что они договорятся с родителями и настоят на своем, проведя свадьбу вопреки традиционному канону.

Критика традиционной свадьбы. В отличие от российских студентов, молодые представители ЦА чаще бывают на свадьбах. Торжество как акт единения кланов предполагает широкое вовлечение родственников без возрастных ограничений, поэтому родители, старшие родственники брали их с собой на свадьбы с детских лет. *«За всю жизнь была на*

свадьбе, наверное, раз десять или пятнадцать. У меня нет такого понятия – дальние или не-дальние – просто родственники. Меня брали с очень раннего возраста» (студентка из Ферганы). «С детства ходил по свадьбам. Обычно меня брали дед с бабушкой» (студент из Алматы).

В интервью отчетливо прочитывается дистанция между тем, «как считают правильным родители» и «какую свадьбу хочу я». Собственная свадьба в мечтах видится как более приватная, менее обременительная с точки зрения затрачиваемых усилий и денег: «На своей свадьбе я хочу видеть только близких мне людей. Моя семья, мои подруги, друг и больше никто»; «Я не любитель этих больших тоев. Мне не нравится такое»; «Огромное количество родственников, которых ты просто не знаешь. Мне хочется локальную свадьбу, с близкими людьми»; «Я сейчас как раз замуж выхожу. И мы с родителями по этому поводу спорим. У родителей ментальность такая, что нужно весь мир пригласить, даже если они мало общаются, из уважения, а иначе что о них подумают».

Респонденты противопоставляют «традиционной» свадьбе так называемую «современную», которую часто называют «европейской». При этом никто в Европе на свадьбе не был. Речь идет о ментальной конструкции, построенной на отрицании того, что более всего раздражает в традиционной свадьбе. «Вызывает отвращение само это мероприятие, которое проходит в традиционном формате. Мы хотим более по-европейски», – эпатируя своей категоричностью, заявляет студентка из Астаны. В данном случае Европа мыслится не как реальный образец (со множеством национальных различий в свадебных форматах), а как символ вестернизации, победы индивидуализма над клановой архаикой азиатского общества. В контексте интервью «свадьба по-европейски» характеризуется меньшим числом приглашенных гостей, более скромным форматом свадебного торжества, иной музыкой, стилистикой проведения и изменением традиционных финансовых схем. «Чаще всего на традиционных свадьбах все оплачивает сторона жениха. Но в моей семье были более европейские взгляды и поэтому у нас оплачивали пополам. Каждый платил за своих гостей» (студентка из Ташкента).

Конечно, люди приспосабливаются, придумывая способы облегчить бремя и формально соблюсти традиции. Например, в Самарканде уважаемый человек рассказывал, как выдавал дочь замуж. Он должен был провести утренний плов, а семья жениха оплатить свадьбу. Однако отец жениха пожаловался на ограниченность средств. Он не предложил разделить расходы на свадьбу, что было бы нарушением традиции. Он попросил часть «своих» гостей пригласить на утренний плов, чтобы не звать их на свадьбу. Тем самым родители невесты облегчили расходы семьи жениха.

Представление о традиционном каноне редуцируется к словам – «много гостей», «богато», «ритуалы», «престиж». Характерно высказывание: «У нас не традиционная семья в смысле помпезности». «У нас очень любят роскошь, чтобы все было в стразах».

Отсутствие личных отношений между молодоженами и гостями является, пожалуй, основной претензией к традиционной свадьбе. «Гостей может быть 300 человек, а ты сам знаешь из них человек 60. Остальные – это знакомые родителей, которых зовут чисто из уважения», – жалуется студентка из Бишкека. «Слишком много людей. А ты даже не знаешь, кто это», – продолжает ту же мысль студентка из Караганды. «Приглашают не только близких людей, как это принято в Европе и в России. Слишком много лишних людей, по-моему, на наших свадьбах», – соглашается студентка из Ферганы. Наши респонденты ценят приватность выше общинности. Личные связи ранжируются как более значимые по сравнению с номинальным родством. Вместо родства на первый план выходят личные отношения. Девушка из Костаная, чьи родители, как она их представила, «чистые казахи», говорит: «Родственников, даже близких, я бы не хотела себе на свадьбу звать. Я не считаю, что если человек мне по крови родной, то я должна его звать». «Я, конечно, люблю своих родственников, но звать родственников моей бабушки я не собираюсь», – поддерживает ее студентка из Бишкека (кстати, тоже оба родителя «чистые киргизы»).

Еще одной претензией в традиционной свадьбе является чрезмерное, неоправданное, с точки зрения респондентов, расходование ресурсов семьи. «Накрывают огромный

стол, подают первое, второе, режут корову, это тоже большие деньги. Гости наедаются только салатами. Мясо и все остальное они забирают домой. Это чистая трата ресурсов семьи» (Бишкек). «Мне не очень нравится эта пышность, это пиршество. Лучше поехать на отдых за эти же деньги, чем на минутную роскошь потратиться ради какого-то престижа перед родственниками» (Ташкент). Важно отметить, что критика чрезмерности трат не обязательно связана с дефицитностью ресурсов, то есть критика имеет не столько калькулируемую, сколько ценностную основу. «Если бы я была даже супер-обеспеченным человеком, я бы все равно сделала свадьбу небольшую» (Караганда).

Важной претензией со стороны девушек явилась закреплённая в традициях и обрядах специфичная роль невесты, которую наши респонденты трактовали в терминах гендерной дискриминации. Ярко высказалась студентка из Ферганы: «После свадьбы в дом новобрачных приходят родственники. Она должна, как кукла, выходить, кланяться, подавать им еду. Она почти не кушает, потому что постоянно ухаживает за гостями. Если честно, я не особый фанат традиций, потому что они не принимают девушку как достойную уважения».

Поборники гендерного равенства в ходе интервью соскальзывали с обсуждения собственно свадьбы к критике традиционного семейного уклада как такового. Появлялась тема властной свекрови и бесправной невестки, вынужденной подчиняться согласно неписанной семейной иерархии. «Когда девушка выходит замуж, ее не ценят, ее воспринимают как рабыню, как бесплатную рабочую силу. Она как будто не человек. И только когда она женит своего сына, только тогда она получит власть. До этого она никто в этой семье. Когда появляется человек рангом ниже ее, ее невестка, только тогда она начинает выливать все, что у нее накопилось» (студентка из Ферганы).

Умение вести дом является важнейшей частью воспитания девушек. Однако в случае развода женщина без образования оказывается в крайне тяжелом положении. Студентки в ходе интервью неоднократно обсуждали тему образования как гарантии финансовой независимости при разводе. Характерно, что гендерные темы поднимались в интервью только девушками, которые декларировали нежелание быть «куклой», «рабыней» и пр., видя в свадебных обрядах разнообразные доказательства ущемляющего их неравенства. Много резких слов сказано по поводу необходимости кланяться гостям и многократно менять одежду, демонстрируя свое приданое. Студентка из Костаная: «Девушку закрывают платком, рядом певец играет на домбре, и поет имена друзей и родственников жениха, которые подходят и кидают деньги. Каждому девушка должна кланяться. Я не хочу этого делать. Я не хочу никому кланяться, я не хочу стоять с закрытым платком». Последнее высказывание демонстрирует неприятие телесных практик, подчеркивающих покорность женщины.

Досталось и узбекской традиции, согласно которой родители невесты должны привозить еду в дом жениха в течение 40 дней после свадьбы. «Вы только подумайте! Когда сестру выдали замуж, целые дни убивались на готовку. Хорошо, что ее семья оказалась понимающей и через три дня они сказали, что больше не надо. Но три дня они это ели! Как они могут есть то, что мы готовили? Почему?» (студентка из Самарканда).

Общий пафос критики традиционной свадьбы восходит к нелогичности многих обрядов. Слова «это не рационально», «я не вижу в этом смысла», «в чем логика?» часто повторялись в интервью, шли как рефрен. Досталось и национальным костюмам: «Это все нерационально. Наряды, выполненные в традиционном стиле, потом никто не будет носить в повседневной жизни. Они тяжелые, в них жарко» (Ташкент).

Объектом критики стали подарки гостям, участвующим в свадебных обрядах. Наши респонденты не мыслят свадьбу как ритуал, скрепляющий родственные связи и воспроизводящий социальную иерархию, соответственно не видят смысла в обмене подарками. Они транслируют логику: чья свадьба – тому и подарки, то есть подарки новобрачным. «Приходят пожилые уважаемые люди и им дарят подарки: национальную жилетку ручной работы, или платок белый, или мужчинам колпак. В чем прикол? Моим родителям это тоже дарили, а они не носят. У них их десятки штук лежат», – делится студентка из Бишкека. «Куда потом этот чапан носить? Никуда. Передаривают. Или просто лежит дома» (студентка из Ташкента).

Молодые люди пытаются логически доказать абсурдность традиции в изменившихся условиях. Дескать, в прошлом, когда юрты стояли рядом, праздник был общий, что естественно. По мнению студентки из Караганды, *«со временем все изменилось. Мы уже живем не рядом, это другой мир. Можно просто созвониться. В тоях нет смысла»*.

Таким образом, список претензий к традиционной свадьбе обширен и, как представляется респондентам, аргументирован. В своей совокупности это звучит как протест против совместности, общности, закрепляемой и воспроизводимой посредством ритуалов, в пользу индивидуализма и сокращения социального принуждения.

Конфликт отцов и детей. Дихотомия традиционной и современной свадьбы может явиться формой острого конфликта родителей и детей, что звучало практически во всех интервью. Студентка из Казахстана: *«Я против пышной свадьбы. Для моей семьи это звучит, как будто я убила кого-то»*. Некоторые, как студентка из Бишкека, избегает свадебную тему как потенциально конфликтную: *«Про свадьбу с родителями мы не говорим. Знаю, что будут разногласия»*.

Многие респонденты подчеркивали, что этот конфликт возможен на фоне прекрасных отношений с родителями. Это не проблема отдельных родителей, это разрыв поколений в интерпретации «нормы» свадебного события. Показательно мнение студентки из Ташкента: *«У нас был такой президент Каримов, он умер уже. Его внучка недавно вышла замуж, уже после его смерти. Она нарушила все, что только можно. Она отпраздновала свадьбу в Лас-Вегасе»*. Этот пример многократно упоминали как легитимацию протеста против традиционности свадеб: если внучка президента страны попрала традиции, то простым смертным тем более можно.

Критическое отношение к традиционной свадьбе трактуется молодыми людьми как своеобразный маркер взросления. Они сравнивают свое отношение «тогда» и «теперь», как делает студентка из Бишкека: *«Я ходила на свадьбы еще в детстве, и я тогда не понимала, почему мои русские подружки в шоке от моих рассказов. С возрастом понимаешь, что это все безумно звучит»*. Сравнение восприятия в детстве и во взрослом возрасте становится рамкой рассуждения о свадьбе. Детскому восторженному восприятию противопоставляется рассудочность взрослого человека: *«Все детство я постоянно ходила с бабушкой, я представляла себя на месте невесты и думала: "Наступит день, и я повторю все это". А сейчас я смотрю на них больше, как на позеров, чем на что-то такое красивое. Сейчас я отношусь к этому... Нет, не негатив, это личное дело каждого, но я бы не повторяла такое на своей свадьбе»* (студентка из Самарканда).

При этом важно подчеркнуть, что индивидуальные характеристики семей, степень близости и взаимопонимания родителей и детей могут смягчить, но не полностью нейтрализовать различия в нормативных представлениях поколений. *«У меня родители достаточно современные. Но временами все равно: мы купили тебе посуду в приданое. Приданое! Господи, что это за слово такое»*, – сокрушается студентка из Ферганы.

Основой конфликта служит спор о том, чьим праздником является свадьба. Молодые считают, что это их день и он должен соответствовать их пожеланиям. Родители считают свадьбу важнейшим днем своей жизни с соответствующими правами на его организацию. *«Мы вообще не хотим свадьбу или пусть она будет очень небольшая, камерная. Когда родители это услышали, были очень недовольны. Они сказали: "Как это так? Свадьба для родителей". Мы говорим: "Это же наш день". "Нет, для родителей". И начали перечислять, кого хотят пригласить»*, – рассказывает невеста из Астаны. Та же тема ущемления пожеланий невесты звучит в рассказе студентки из Ташкента: *«На свадьбе моей сестры был выделен всего один столик для ее подруг, это восемь-десять мест. А всего с нашей стороны было 60 гостей. Получается где-то 50 мест на родственников, на друзей и коллег родителей»*.

Такая асимметрия прав родителей и детей в выборе формата свадьбы связана не только с традициями, но и с вполне прагматичным обстоятельством: в ЦА в брак вступают довольно рано, не успев встать на ноги. Отсутствие собственных доходов лишает молодых людей права голоса. *«Родители женят, когда парень и девушка еще только*

студенты. Они сами еще ничего заработать не успели. Все затраты берут на себя родители. Я не знаю ни одного случая, чтобы в Кыргызстане свадьбу и калым оплачивал сам парень. Только родители», – утверждает студент из Бишкека. С ним соглашается студентка из Ташкента: «Молодые вообще к финансовой теме не допускаются. Им в среднем 18–20 лет, они еще сами ничего не заработали. За все платит глава семьи».

Обсуждение темы свадеб часто перетекало в дискуссию об иерархии поколений, принятой в традиционном обществе. Отсутствие права голоса в решении свадебных вопросов трактовалось как частный случай более широкой проблемы взаимоотношений поколений. «У нас патриархальное общество. Мы кто? Мы никто. Люди – это только те, кто с бородами. У нас живут несколько поколений под одной крышей. И пока дед не умрет, его 50-летний сын все равно ребенок, он обо всем спрашивает своего отца. У нас в семье после бабушки главной была бабушка. И моя взрослая мама отпрашивалась у нее, чтобы куда-то сходить. Это же тупо», – возмущается студентка из Ферганы.

Роль новой эстетики, транслируемой массмедиа, играет огромную роль в предпочтениях молодежи. Молодые люди смотрят фильмы, где показаны камерные свадьбы, и этот образ контрастирует с тем, что их окружает. «Я смотрел фильм, там свадьба в Греции или Италии была. Высоко в горах, красивая музыка, гостей человек сорок. Я помню, как меня это поразило, как это эстетично», – с восхищением говорит студент из Бишкека.

Неприятие традиционной свадьбы далеко не всегда обосновывается рациональными доводами, критикующими демонстративную роскошь. В интервью звучали мотивы, сводящиеся к эстетическому и эмоциональному дискомфорту от традиционной свадьбы. «Я с детства не любила свадьбы, потому что надо было подходить к непонятным людям, всех обнимать, целовать» (студентка из Костаная).

Молодые люди смотрят на традиционную свадьбу через призму иной культурной укорененности. У них, если можно так выразиться, взгляд уже не аборигена, а туриста. Им нравится яркость традиции, но они не идентифицируют себя с ней. В интервью доминирует отчужденность наблюдателя, который воспринимает свадебные обряды как шоу. Туристы могут переполнять самые разные эмоции, но эти эмоции накладываются на осознание того, что это не его мир. Это иное. Показательно интервью с девушкой из Ферганы, где первая часть интервью посвящена свадебным обрядам, а вторая часть – ее личным взглядам и планам по поводу свадьбы. По ходу интервью девушка кардинально меняла риторику. Сначала она была в образе гида, увлеченно рассказывала о традициях, подчеркивая их красоту и зашитые в них сакральные смыслы. Особенно ее впечатлила традиция погружения рук невесты в муку, чтобы дом был полной чашей. «Невесту ведут в центр зала и разворачивают ткань, на которой раскатывают тесто, там мука. И самая уважаемая женщина молится и окунает руки невесты в муку, чтобы в доме было вкусно и щедро. И этот обычай – руки в муке – это очень красиво». Но далее девушка перешла к собственным оценкам: «Жить в таком обществе, когда невеста никто, я ни за что не собираюсь. Я возвращаться не буду, останусь в России». От восторженного описания рук в муке до категоричного отказа жить в традиционном обществе прошло всего полчаса.

Устойчивость свадебной традиции. Однако свадебные ритуалы в странах ЦА продолжают воспроизводиться. Наши респонденты называют несколько причин воспроизводимости традиций: уважение к предкам, желание избежать конфликта: «Никто не хочет расстроить бабушку, поэтому делают, как она хочет. Иначе это бы уже давно никто не соблюдал» (Ташкент). Бесправие девушек как гендерная норма: «На проводах невесты она сидит на возвышении и каждые 30–40 минут меняет свои наряды, показывая, что ей приобрели ее родители. И в каждом новом наряде она делает традиционный поклон. Потом садится, немного посидит и снова переодевается. В большинстве случаев она этого не хочет. Но у девушек редко есть право голоса. Если им сказали, что они будут десять раз менять наряды, то никто не спорит. Особенно в традиционных узбекских семьях» (Самарканд). Дефицит репертуара радостных событий, потребность в разрыве повседневности. Вот суждение студентки из Ташкента: «У моего народа нет другой радости, чем сыграть

свадьбу и сделать счастливыми своих детей. Чтобы потом всю жизнь вспоминать и смотреть фотографии. Цель жизни – сыграть такую свадьбу, чтобы о ней говорили следующие 20 лет. Сложно перестроить мышление всего народа и сказать им: свадьба – это пустая трата денег». Потребность семей в демонстрации своей успешности, подтверждение социального статуса: «Для них это очень важное событие: показать себя перед родственниками и соседями. Это стимул держать семью в достатке», – считает студент из Кара-Балта. «У меня дядя три раза свадьбу справлял, и каждый раз в кредит. И я не видел, чтобы он сожалел. Главное – показать родственникам, что род в благополучии», – вторит студент из Караганды. «Это такая имитация богатства. Все делается ради престижа», – резюмирует студент из Ташкента. Боязнь позора, потери репутации: «Большую свадьбу проводят, потому что боятся осуждения. В локальных беседах могут сказать: "Этот человек провел слабую свадьбу". Люди думают о репутации, поэтому тратятся на свадьбу» (Бишкек). Желание опереться на силу клана, использовать принцип взаимности как ресурсную основу решения жизненных проблем: «Вот на похороны приходят люди, чтобы потом и на их похороны пришли. Может и со свадьбами что-то такое есть» (Кара-Балта).

По сути, в своей совокупности воспроизводимость традиций основана на том, что они «прописывают» индивида в сообществе, обеспечивают погружение «я» в «мы» с соответствующей возможностью опереться на его ресурсную основу. Бунт, протест против традиций сводится к индивидуализму, к желанию расширения зоны автономного существования. «Мне говорят, сходи к тете, посиди с ее ребенком. Это входит в мои обязанности? Я рожала этого ребенка? Мне это странно и глупо кажется, – возмущается студентка из Ферганы. – Я всю жизнь прожила в большой семье. Но недавно мы купили свой дом, и тогда я почувствовала, что жизнь существует. Что можно на ужин просто приготовить салат, а не варить суп, который захотела бабушка».

Следует заметить, что воспроизводимости традиций способствует их трансформация, приспособляемость к современности. Они пластичны, гибко следуют ограничениям той или иной семьи – материальным и ментальным. Глава семьи может «смягчить» выполнение обрядов с учетом обстоятельств. Например, в Узбекистане невеста после свадьбы должна встать в пять часов утра, чтобы поклонами поприветствовать родственников мужа, однако «мы решили дать поспать».

Свадебные традиции в ЦА дифференцированы не только между странами, но и между регионами внутри одной страны. Индустриальные регионы демонстрируют более спокойное отношение к отклонению от жесткого канона. Аграрные – становятся бастионами поддержания неизменных традиций. «Южный и Западный Казахстан – это традиционный, национальный. На Севере традиции чтят, но не до такой степени», – рассказывает девушка из Астаны. Например, Северный Казахстан практически отказался от обычая сватовства детей, менее распространено многоженство, кража невест. Ту же мысль высказывает студентка из Костаная: «Я выросла в Северном Казахстане. Нас иногда зло называют обрусевшими. Это абсолютная неправда. Мы чистые. Но у нас не все традиции соблюдаются. <...> Западный и Южный – более традиционный. Там мало уважают женщину. Там влияние ислама намного сильнее». Заметим, что респондентка трактует дискриминацию женщин как ипостась традиционности.

«Шведский стол» свадебных традиций. В интервью многократно проявлялось восприятие многообрядовой обрядовости не как традиционного монолита, который можно принимать или отрицать в его комплексности, а как набора практик, отношение к которым дифференцировано. Если уместна аналогия, то обряды воспринимались не как комплексный обед, а как шведский стол, предоставляющий право выбора. Характерно высказывание студентки из Костаная: «Из традиций я оставляю только то, что мне нравится».

Избирательность по принципу «это беру, а от этого отказываюсь» подчеркивает специфическую природу обрядовости в современном обществе. Традиционная свадьба в комплексе мероприятий обеспечивала своего рода прописку невесты в новый род с соответствующими обязательствами перед ней и ее детьми. Череду обрядов с привлечением

множества свидетелей (гостей) сертифицировала брак как достояние рода. Принцип «шведского стола» разрушает эту структуру, оставляя обрядовость как декоративный элемент, как внешнее свидетельство приверженности традициям, выхолащивая суть.

Показательны рассуждения девушки из Узбекистана, которая хочет традиционную свадьбу. *«Всегда нахожусь под впечатлением от этой красоты, от приятной суеты. Я хочу провести все по традиции».* Девушка восторженно описывает обрядовую часть свадьбы, демонстрирует знание этого вопроса и вообще полную лояльность традициям. *«Я бы хотела, чтобы мой будущий муж, как положено, пришел к моему отцу, заплатил достойный выкуп, чтобы он заплатил за все торжество».* И тут же продолжает: *«Но я не хочу жить с его мамой. Я хочу иметь свою кухню и жить без свекрови. Мне будет тяжело с настоящей узбекской свекровью. Не хочу обставлять его дом. Хочу все свое, технику, мебель не в его дом покупать, а в свой».* То есть внешняя сторона обряда вызывает эстетический восторг и желание ему следовать. Тогда как традиционный семейный уклад решительно отторгается.

Молодой человек из Кыргызстана категорически против масштабной свадьбы, однако с радостью готов соблюдать традиции, предшествующие свадьбе. Он признает право родителей выбрать ему невесту. Приветствует сватовство, выкуп невесты. Но свадьбу своей мечты описывает как ту, что видел в европейском кино, – мало гостей, тихая музыка, светские разговоры, никаких многочисленных родственников. То есть отсутствует целостность восприятия свадебной традиции, взаимосвязанности и неотъемлемости их элементов как ритуала прописывания новой семьи в социальных отношениях общины.

Поскольку речь идет о странах ЦА, то нельзя не сказать о скреплении брака представителями духовенства (имамом или муллой). Эта мусульманская традиция не вступает в противоречие со светской нормой регистрации брака в ЗАГСе. Эти обряды совершают поочередно (например, в Узбекистане муллам запрещено совершать обряд без справки из ЗАГСа⁴). Сакральность религиозного обряда выделяет его в отдельный смысловой регистр. Даже самые решительные ниспровергатели традиций склонны пройти этот обряд. Таким образом, нет полного отождествления свадебных ритуалов и мусульманского религиозного таинства. Единственный отказ от никяха в наших интервью был связан с тем, что избранник русский.

Заключение. Все молодые люди были свидетелями свадебных обрядов на родине, имели собственный эмоциональный опыт участия в традиционных свадьбах. Их отношение к свадебным обрядам характеризуется амбивалентностью, что является следствием их специфической социальной диспозиции. Они являются инсайдерами и аутсайдерами в одном лице. С одной стороны, они (как инсайдеры) детально знают обряды, с радостью рассказывают о них, выполняя роль квалифицированных гидов, признают красоту обряда, ценят его эстетическую составляющую. С другой стороны, они (как аутсайдеры) критически оценивают свадебные традиции, подчеркивая их архаичность и иррациональность. Особенное неприятие вызывает многочисленность гостей на свадьбе.

Диапазон отношения к свадебным обрядам варьируется от снисходительного прощенья (*«у моего народа так мало радости»*) до резкого неприятия, протеста против традиций (*«ненавижу»*, *«это полный бред»*). Основой неприятия выступает то, что респонденты, живя в Москве, преодолевая массу бытовых трудностей, приспосабливаясь к новой среде, начинают ощущать себя активными субъектами. Тогда как свадебная традиция предписывает им роль объекта, на который направлены усилия родственников и социального окружения, где их мнение о формате свадьбы мало кого интересует. *«Мой брат не хотел делать свадьбу, но его заставили. Хотя, скорее, он просто присутствовал, как тело, которое нарядили»*, – говорит парень из Караганды. Быть «телом» ему не хочется. Фактически традиционная свадьба воспринимается молодыми людьми как подчинение их индивидуального «я» воле сообщества. Однако, говоря о предполагаемой свадьбе, практически все

⁴ Это было сделано для того, чтобы предотвратить ранние браки, когда девочек выдавали в 15–16 лет, насильно чаще всего. Сейчас законодательно порог вступления в брак в Узбекистане подняли до 18 лет.

молодые люди хотят провести ее на родине и намерены выбрать в мужа (жены) людей своей национальности.

Традиции и обряды трактуются вестернизированными молодыми людьми не как «комплексный обед», а как «шведский стол», с которого они что-то готовы взять, а что-то намерены игнорировать.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Азимова Н.Х. Ритуальная экономика: на примере свадебных обрядов. Наманган, 2018 год // Общество, гендер и семья в Центральной Азии. 2020. № 4. С. 87–106.
- Барсукова С.Ю. Ритуальная экономика, или Сколько тратят на свадьбу в Средней Азии // *Journal of Institutional Studies*. 2022a. Т. 14. № 3. С. 46–58.
- Барсукова С.Ю. Банковские кредиты vs долг в рамках социальных сетей: опыт Средней Азии // *Terra Economicus*. 2022b. Т. 20. № 3. С. 87–97.
- Большаков В.П. Культурные практики в процессах становления культуры // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2016. № 2 (27). С. 16–22.
- Ларина Е.И., Наумова О.Б. «Кража – это вечный наш обычай»: умыкание невесты у российских казахов // Этнографическое обозрение. 2010. № 5. С. 3–20.
- Латипова Н.М., Ганиева М.Х. Религия в жизни современной молодежи Узбекистана // Экономика. Социология. Право. 2019. № 4 (16). С. 58–64.
- Сумачев А.В. Уголовно-правовое регулирование народных обычаев // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. 2014. № 2 (3). С. 25–28.
- Хушқадамова Х.О. Семейно-брачные отношения в современном таджикском обществе // Социология власти. 2010. № 3. С. 79–88.
- Хушқадамова Х.О. Национальные обряды в современном Таджикистане // Социологические исследования. 2011. № 5 (325). С. 78–81.
- Юнусова Н.М. Роль семейных традиций и домашних ритуалов в формировании личности ребенка // Вестник Таджикского национального университета. 2013. Т. 2. № 3–7. С. 192–194.

Статья поступила: 16.08.22. Финальная версия: 12.12.22. Принята к публикации: 04.04.23.

ATTITUDE OF STUDENTS FROM CENTRAL ASIA (STUDYING IN MOSCOW) TO THE TRADITIONAL WEDDING

BARSUKOVA S.Yu.

National Research University Higher School of Economics, Russia

Svetlana Yu. BARSUKOVA, Dr. Sci. (Soc.), Prof., Department of Sociology, Faculty of Social Sciences, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia (sbarsukova@hse.ru).

Acknowledgements. This work was supported by Russian Foundation for Basic Research (RFBR) (project No. 20-59-22001).

Abstract. A traditional wedding is an important part of the cultural code of the inhabitants of Central Asia. Can a wedding become a point of conflict between generations? The article is devoted to the attitude to wedding traditions of young people from Central Asian countries (Uzbekistan, Kazakhstan and Kyrgyzstan), who study in Moscow. The research method is a semi-structured interview ($N=23$). In the interview, the distance between “what parents think is right” and “what kind of wedding I want” is clearly visible. Young people want to hold their own wedding more privately and less burdensome in terms of effort and money spent. There are several reasons for the reproducibility of wedding traditions: respect for the ancestors, the desire to avoid conflict with relatives; disenfranchisement of girls as a gender norm; the need of families to demonstrate their success; fear of shame, loss of reputation. The attitude of young people to a traditional wedding varies. Someone is willing to voluntarily follow traditional wedding rituals. Someone moderately criticizes wedding traditions, but is ready to obey them so as not to upset relatives. Someone sharply criticizes traditional wedding ceremonies and intends to hold a wedding contrary to the traditional canon.

Keywords: wedding rituals, rituals of the life cycle, youth, students, generational conflict, wedding in Central Asia.

REFERENCES

- Asimova N. (2020) Ritual economy: on the example of wedding ceremonies. Namangan, 2018. *Obshchestvo, Gender i Sem'ya v Tsentralnoy Azii* [Society, Gender and Family in Central Asia]. No. 4: 87–106. (In Russ.)
- Barsukova S.Yu. (2022a) Ritual economy, or how much is spent on a wedding in Central Asia. *Journal of Institutional Studies*. Vol. 14. No. 3: 46–58. (In Russ.)
- Barsukova S. (2022b) Bank loans vs debt within social networks: The case of Central Asia. *Terra Economicus*. Vol. 20. No. 3: 87–97. (In Russ.)
- Bolshakov V.P. (2016) Cultural practices in the formation of culture. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Gosudarstvennogo Universiteta Kulturi i Iskusstv* [Bulletin of the St. Petersburg State University of Culture and Arts]. No. 2 (27): 16–22. (In Russ.)
- Larina E.I., Naumova O.B. (2010) Capture is our everlasting custom: bride kidnapping among the Russian kazakh. *Etnograficheskoe Obozrenie* [Ethnographic Review]. No. 5: 3–20. (In Russ.)
- Latipova N.M., Ganieva M.H. (2019) Religion in the life of modern youth of Uzbekistan. *Ekonomika. Sotsiologiya. Pravo* [Economy. Sociology. Law]. No. 4 (16): 58–64. (In Russ.)
- Sumachev A.V. (2014) Criminal law regulation of folk customs. *Vestnik Tyumenskogo Instituta Povisheniya Kvalifikatsii Sotrudnikov MVD Rossii* [Bulletin of the Tyumen Institute for Advanced Training of employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. No. 2 (3): 25–28. (In Russ.)
- Hushkadamova Kh.O. (2010) Marriage relations in modern Tadzhikistan society. *Sotsiologiya vlasti* [Sociology of Power]. No. 3: 79–88. (In Russ.)
- Hushkadamova Kh.O. (2011) National rites in Tajikistan today. *Sotsiologicheskie Issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 5 (325): 78–81. (In Russ.)
- Yunusova N.M. (2013) The role of family traditions and household rituals in the formation of a child's personality. *Vestnik Tadzhikskogo Natsionalnogo Universiteta* [Bulletin of the Tajik National University]. T. 2. No. 3–7: 192–194. (In Russ.)

Received: 16.08.22. Final version: 12.12.22. Accepted: 04.04.23.